

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2025-1-44-52
<https://elibrary.ru/tumvgh>

EDN TUMVGH

Космические и атмосферные образы в русских и финно-угорских народных приметах и суевериях

*Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ 24-18-20015
«Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья»*

Подюков Иван Алексеевич

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языка

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

SPIN-код: 8516-2258

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Свалова Екатерина Николаевна

к. филол. н., старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН
614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. svalova87@mail.ru

SPIN-код: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Статья поступила в редакцию 28.10.2024

Одобрена после рецензирования 12.11.2024

Принята к публикации 14.01.2025

Информация для цитирования

Подюков И. А., Свалова Е. Н. Космические и атмосферные образы в русских и финно-угорских народных приметах и суевериях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 44–52. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-44-52. EDN TUMVGH

Аннотация. В статье по фактам лексики и фразеологии русских народных говоров и финно-угорских языков (удмуртский, коми-пермяцкий, коми-зырянский) рассматриваются народные космо-нимы (наименования планет, звезд и созвездий), исследуются названия атмосферных явлений (гроза и молния, заря, зарница, радуга). Выявляются мотивационные признаки, лежащие в основе образных номинаций и метафорических характеристик небесных событий и объектов. По диалектным данным и фольклорной речи (загадки, частушки, приметы) раскрываются мифологические основания и характер образности названий небесных явлений. Отмечается повышенная значимость небесного символизма для создания народных примет, связанных с изменениями погоды, трудовой деятельностью, историческими событиями и судьбами людей. Мифологизмы народной речи, которые используются при характеристиках непознанного, остаются востребованными в народной среде, оформляют предшествующий культурный опыт взаимодействия человека с миром природы, мотивируют приметы, остающиеся ориентирами хозяйственной деятельности человека. Кроме того, поскольку отмечается достаточно активное использование образов высшего мира в художественных и фольклорных текстах, описывается их мифопоэтический потенциал. Выявляется значительное количество типологически сходных образных наименований космических и атмосферных объектов в разноструктурных

языках, прослеживается отражение в исследуемых номинациях особенностей этнического мировосприятия. Делаются выводы о высокой лингвокультурной насыщенности лексики и фразеологии, обращенной к небесной сфере.

Ключевые слова: космоним; мифологизмы в языке; русский и финноугорские языки; символика примет.

Наименования небесных объектов и явлений привлекают внимание многих исследователей, при этом основное внимание обращается на космонимы – собственные имена отдельных небесных тел, галактик, созвездий. В трудах М. Э. Рут полно описан корпус народных космонимов русского языка, раскрыта их роль в формировании языковой картины мира [Рут 1987, 2010]. Тюркская космонимика, связанная с названиями созвездий, исследуется Л. С. Абсемиевой [Абсемиева 2019], К. Г. Ароновым [Аронов 1992]. В работах К. Г. Аронова подчеркивается, что названия небесных объектов являются частью лексического богатства казахского языка. Е. А. Айбабина и Л. М. Безносилова раскрывают особенности структуры, специфику мотивационных признаков диалектных коми номинаций космических объектов, рассматривая их в сопоставлении с космонимами других финноугорских языков (по их наблюдениям, в коми названиях созвездий отчетливо выражена охотничья тема [Айбабина, Безносилова 2013]). Исследуются и финноугорские номинации отдельных небесных явлений – особенности номинации радуги в удмуртском языке [Зверева 2015], отражение в названиях радуги мифологических представлений коми [Панюков 2011; Цыпанов 2017].

Сопоставительный анализ космонимов разных языков (например, русского, английского и китайского [Михайлова 2014]) показывает, что названия небесных объектов отражают особенности этнического мировосприятия, несут в себе отпечаток не только мировой культуры, но и культуры своего народа. Высокую культурную окрашенность космонимов отмечает О. В. Стафеева, рассматривая их функционирование в художественном тексте [Стафеева 2003].

В настоящей статье рассматривается прежде всего пермская диалектная лексика и фразеология, характеризующая звезды, созвездия и небесные события в народном восприятии (полевые материалы экспедиций в русские и коми-пермяцкие районы Пермского края). Знаки неба (падающие звезды, необычные по форме облака, свечения, напоминающие буквы или цифры) часто осмысливаются как символы будущего, интерпретируются как мистические знамения. Анализ номинаций космических объектов и событий позволяет увидеть, как небо «управляет» жизнью людей: указывает на смену сезонов, очередность сельскохозяйственных работ, на грядущие исто-

рические события и предначертанность человеческих судеб. Очевиднее всего знамения небес отражены в приметах, которые относят к сакральному жанру фольклора в связи с наделенностью их глубоким мифологическим подтекстом. Приметы, и особенно та их часть, которая обращена к небу и космосу, выступают как мифологические высказывания, содержащие некие жизненные правила, выраженные в иррациональной форме.

Объектам и явлениям внешнего мира, неведомым космическим силам в архаическом восприятии приписываются магические свойства, способность предвещать события и даже влиять на них: *Перед войной был знак. Видели это старые старики. На небе видели как самолёты и золотые буквы «В». «Война, война будет!» – говорили»* (с. Пож Юрлинского района Пермского края); *Перед войной на небе облака шли как солдаты с ружьями, старые люди сказывали* (п. Гайны); *Перед афганской войной в воздухе везде столбы красные стояли. Девять столбов. А потом давай летать. Как ракеты. И так сейчас ребят наших жалко...* (г. Чернушка Пермского края) (ПМЦЭ). Необычные свечения в виде вертикальной полосы света на небе (речь идет о светящихся столбах, которые возникают, когда при высокой влажности резко опускается температура, то есть в воздухе появляются взвешенные столбовидные ледяные кристаллы) – распространенное оптическое явление, воспринимаемое архаическим сознанием как знак беды (количество столбов на небе даже воспринималось как указание на число военных годов).

Древнее отношение к небу, высшему миру заключается в представлении о космосе как живом организме или среде, находящейся в неразрывном единстве с человеком. Эта связь мира и человека отражена уже в самом названии мироздания *Вселенная*. Слово называет весь мир и одновременно представляет его как заселенный, обитаемый дом (ср. также образ неба-потолка в загадке о небе и звездах *Синие потолочки золотыми гвоздями приколочены*). Древний космический анимизм (А. В. Луначарский, работа «Антропоморфизм и гармония») лежит в основе массы метафорических выражений – *солнце село/встало, луна взошла, луна смотрит, облака бегут, небо плачет, «звезда с звездой говорит»*. Значительная часть образных номинаций объектов космической среды опирается на древнее

уподобление реалий высшего мира обжитому человеком пространству. Небесные объекты и явления отождествляются с картинами земной жизни, земными реалиями, с тем, что окружает человека. Они предстают как предметы быта: основная часть созвездия Большая медведица носит народное название *Ковш* (то же в коми-пермяцком языке *Кош* 'ковш', в удмуртском *Кобы Кизили* 'ковш звезда'). Млечный Путь (а также Большая медведица, Пояс Ориона) в разных русских говорах получает название *Коромысло* (ср. марийское название Ориона *Вудвараиудыр*, букв. 'коромысло-звезда').

Как отмечает М. Э. Рут, русские и в целом славянские народные астронимы часто ориентированы на сельскохозяйственный быт [Рут 1987: 60]. В этом убеждают также фольклорные и поэтические образы неба как поля: загадка о небе и звездах *На чёрном поле овцы разбрелись*, строчки стихов *Небо, как поле, засеяно звёздами* (В. Константинов, «Небо, как поле...»), *Небо-поле, расскажи о том, во что мир верит* (Ю. Шевчук, группа ДДТ, баллада «Небо-поле»). С орудием крестьянского труда соотнесено в говорах Урала и Сибири название созвездия Пояс Ориона *Кичиги* (от *кичига* 'примитивное молотило в виде изогнутой крюком палки'). В народных названиях звездного скопления Плеяды (одно из ближайших к Земле и одно из наиболее ярких созвездий) наглядно проявляется использование в основании народных примет образов хозяйственной деятельности. Плеяды в аграрной примете указывают на то, что с их появлением пришло время посева (выход Плеяд приходится на Юрьев день, праздник, с которого начинались работы в поле). В конце весны Плеяды исчезают и возвращаются на небо лишь в пору летнего солнцестояния, поэтому севернорусское название Плеяд *Стожары* соотносится также и с началом сенокоса (*стожаром* называют кол в центре стога для его устойчивости). Возможно, использование народных названий созвездия Плеяды *Сито/Решето* следует рассматривать как указание на приход времени осенних посевных работ. Эти названия (символически они представляли небо как подателя блага [Топорков 1985]) функционально связаны с инвентарем для просеивания семян; ср. также финское о Плеядах *Seula* «решето» [Петрич, Авилин 2023: 4]. Как известно, в древности с появлением этого созвездия связывалось наступление сезона навигации (слово *Плеяды* этимологически родственно древнегреческому глаголу *plein* «плыть») или сезона дождей (прихода ливней [Рут 1971: 154]). Возможно также осмысление названия *Стожары* как сложного слова – в связи с *жар* и *сто*, то есть как указание и на время жары, и на яркий

свет звезд, ср. комментарий К. Паустовского: «Очень благозвучно и слово «Стожары»... Это слово, по созвучию, вызывает представление о холодном небесном пожаре («Плеяды и впрямь очень яркие, особенно осенью, когда они полыхают в темном небе, действительно, как серебряный пожар» (рассказ «Словари»)). Писатель в этом случае тонко уловил значимую в народной культуре идею «прорыва» на землю благодатного космического света.

Некоторые севернорусские названия-космизмы образованы от зоонимов. Это обозначение Большой медведицы *Лось*, *Конь* [Афанасьев 1865: 606], *Лошадь* (архангельское; близко к нему удмуртское название созвездия Малая медведица *Валйыр*, букв. 'лошадиная голова'), пермское *Свинья* о большом дождевом облаке, *небесные коровы (стада)* [там же]. Среди небесных названий встречаются также образы птиц, элементов рельефа *Утиное Гнездо* (*Утичье гнёздышко*; в пермских говорах также *Соловьиное гнёздышко*) для Плеяд (в кировских говорах это обозначение Малой Медведицы), *Гусиная лапа* созвездие Плеяды (Большая Соснова Пермского края) (ПМЦЭ), *Горы* для облаков [там же]. Ассоциативно с небом связано выражение, где использован образ кота: *Кот плакал* о редком природном явлении, когда на заре, перед восходом солнца выпадает роса (в этот момент на водной поверхности образуются круги, что воспринимается как предвестие бури) (СРЯ 1914: 2483). Выражение использовано Н. Лесковым (писателем, чей лексикон пронизан народными выражениями): *На заре, перед восходом солнца, в этот день по воде озера, шурясь, то мигали, то расширяясь, то суживаясь, маленькие кружочки. Это называют будто «кот плакал» и считают за предвестие к буре* (рассказ «Таинственные предвестия»). Достаточно экзотичный образ плачущего кота обыгрывает известную «способность» кошек предсказывать погоду и одновременно «объясняет» необычное природное явление, соотносясь с другими мифопоэтическими истолкованиями редких состояний природы. Аналогично мотив плача использован в характеристиках слепого дождя *сироты плачут, солнце плачет, ведьма плачет, Бог (Богородица) плачет* [Виноградова 2016: 353]. «Ненастоящий», в виде редких капель слепой дождь, как и редкие капли падающей росы, может быть приписан существам, соотносимым с верхним миром, обладающим магическими свойствами (неслучайно роса устойчиво определяется как *Божья*; *сироты* считаются людьми особого социально статуса, приближенными к богу в силу своей обездоленности [там же: 355]). Отметим также сохранение образов облачной (лунной) кошки, лунного кота в современной поэтической

традиции (в том числе представление в виде кошки не только луны и солнца, но и радуги: *Радуга испуганною кошкой спину выгибает в небесах* (М. Безденежных); *А за окном луна, как кошка* (М. Грация); *Солнце – кот, ты для души, Ты для нас свети, живи* (И. Парамонова)). Поток света наступившего дня также ассоциируется с кошкой (как в пермской загадке о рассвете *Серая кошка лезет в окошко*). Образ плачущего кота в широком распространении обычно является шутливой оценкой чего-то крайне малого или незначительного – из соотнесения настоящего дождя и редких капель росы (ср. несколько иное осмысление выражения у А. Башлачева в стихотворении «Дым коромыслом»: *Ох, безрыбье в речушке, которую кот наплакал*). В народной традиции кот может быть наделен даром предсказания (например, в известной примете *Кот чихнул – к вестям*). Конечно, «профетические» свойства кота выведены из его способности глядеть не мигая, видеть в темноте. В целом же аналогия росы со слезами (как и примета *После слепого дождя жди обильных дождей*) отмечает повышение влажности в воздухе: вода редкими мелкими каплями начинает выпадать в осадок, потому что не может растворяться во влажной атмосфере.

Народная космонимия представлена антропонимическими образами солнца, луны, облаков, звезд, зари, радуги (орловское *солнце зевает* ‘о появляющемся и исчезающем в облаках солнце’, пермское *солнце умывается* ‘о солнце в дождь’, пермское юрлинское *Солнце умываются, это к теплу*), лунного или солнечного гало (диалектное пермское *солнце в рукавицах, солнце с ушами, солнце в шапке*, уральское *чертовы рукавицы у солнца, бородастое солнце: Солнце зимой «бородастое», под ним пятно как радуга, это надо ждать морозов* (Нытва Пермского края)) (ПМЦЭ). Рукавицы непосредственно указывают на близость холодов: коми *тöлсь кепися* ‘о светящемся кольце вокруг луны, что предвещает сильные морозы’: *Тöлсь кепися, так кóдзыт тöлнас. Этадзи сылõн, кепися кыдз тöлсь* / Луна в рукавицах, так будет холодно. У неё рукавицы будто, у луны», букв. ‘луна в рукавицах’ (с. Пуксиб Косинского района Пермского края) (ПМЦЭ). Известно и название радужной зари *Заря в рукавицах* (Андрей Балдин «Московские праздные дни», 1997).

Любопытны редкие названия для облаков, вероятно, не лишённые архаических оснований типа пермского *Дед с бабкой* (выражение осмысляется как знак приближающегося дождя, то есть обозначает кучево-дождевое облако). Здесь образы покойных старших родителей ассоциативно связываются с архаичными представлениями о

пребывании душ умерших на небе (ср. также в народной примете *Покойные снятся к дождю*). Образ девушки на медведе использован в костромском обозначении также дождевого облака *Девка на медведе едет*. В выражении объединены образы медведя и девушки (близкий образ облаков отмечен А. Н. Афанасьевым: *облака как прекрасные полногрудые жены* [Афанасьев 1865: 113]). Второй персонаж, медведь (известный как одно из воплощений бога растительности), здесь, скорее всего, соотносится с идеей плодородия.

Зарю называли женскими именами, учитывая в этом случае их христианскую символику: *Мария / Маремьяна* (реже *Варвара, Прасковья*). В первом случае небесный свет зари обозначен именем Богородицы (для нее типичны красные одеяния, символизирующие предначертанность удела Пресвятой, ее Богоматеринство). Сходным образом красный (также и золотистый) цвет одеяний типичен для св. мученицы Параскевы, красный (киноварный) цвет одеяний на иконах (символ мученичества) характерен для св. Варвары. Атрибуты христианских персонажей отмечены в славянских названиях радуги (*Божий лук, Божий пояс, Богоричин пояс* (Агапкина 2002: 401)), то есть небесный знак осмысляется как атрибут Божества.

Одно из мифологически осмысленных небесных явлений – гроза, часто воспринимаемая как голос бога, как проявление его силы. Название *гроза*, очевидно, родственное словам *гром, греметь*, давно используется и для обозначения гнева и божьей кары, и как образное представление страха, ужаса, и как благодать, живительная сила. Отсюда устойчивые представления о том, что трава весной появляется после первого грома, приметы типа *Гроза в конце мая бывает к хорошему урожаю и сенокосу, Гроза в конце лета к сухой и тёплой осени* (несильная первая гроза считается плохим знаком: *Плохо погремит первый раз, дак и плохой год* (д. Черная Юрлинского района Пермского края)) (ПМЦЭ). Особое отношение к грозе отражено в народном эфемическом обозначении грозовой тучи *синенький: Робьте пуще, вон синенькой идёт, замочит все сено* (с. Карагай Пермского края) (там же). Гром считался карающей силой и одновременно проявлением заботы о людях: *Долго нет грома – Бог забыл людей, будет тяжёлая зима* (с. Ножовка Частинского района Пермского края); *Илья Грозный вскричал, грешим дак* (д. Щипа Бардымского района Пермского края) (там же). Молния воспринималась в прошлом как божественный огонь, «видимый с земли свет верхнего неба, когда нижнее небо открывается» (Белова 2004: 280). Отсюда ее названия *божья воля* (нижего-

родское, костромское), *божья милость* (ярославское, архангельское, томское), *божья благодать* (самарское, архангельское) [Верхотурова 2007: 87]. Она считалась проявлением доброго отношения Бога (страдания, которые она приносила, есть знак внимания Бога, способ вразумления грешника): *Первый дом у нас сгорел от детской шалости, а второй от Божьей милости. Не надо было на погорелом строиться* (д. Лидино Октябрьского района Пермского края) (ПМЦЭ). Распространено и предметное представление молнии – выпущенная Богом стрела: *Грянуло, засияло на небе, стрела вылетела – загорелось от стрелы* (соликамское). Чаше громовой стреле уподоблялся разряд молнии: *Громовая стрела, вот пойдёшь в лес – как ударит, так и дерева нету* (с. В. Мошево Соликамского района Пермского края) (там же). Широко распространено представление об *огневой (громовой) стреле*, камнеобразном сплаве продолговатой формы, образуемом от удара молнии в песчаную почву. Считается до сих пор, что так стрела поражает дьявола и лечит болезни, отводит опасности: *Всяка болезнь и притча боится громовой стрелы* (д. Верх-Меча Кишертского района Пермского края); *Громовая стрела, её от суда хорошо. Со словами сделаешь человеку, как ограда, и не засудят* (с. Калинино Кунгурского района Пермского края) (там же). Иной вид может иметь деревянная, в виде лучины громовая стрела у коми-пермяков (*чарньос*, или *чарётъм пу*, букв. ‘громовое дерево’): *Чарётъм пу, вот сійён жельнөг-нас чертитас, лыддяс. Чистой насъкъм насъта-лас, кафтан и (ыжан?) лунён лыддяс, лыддяс или би вылӧ, или вот кыт колӧ мыйӧн, или турун вылӧ. Лыддяс и вот и лечитлис сійӧн* / Задетое молнией дерево, вот этой лучиной зачертит, наговорит (начитает), чистую одежду наденет, кафтан, и в Большой день начитает, начитает, или на огонь, или на траву (п. Мысы Гайнского района Пермского края) (там же).

Активно задействованы в приметах названия природных явлений, воспринимаемых особенно эмоционально и мистически. Это заря (цветное свечение неба перед восходом и после заката солнца), зарница (осенняя отдаленная гроза с молниями без грома), радуга (оптическое явление в атмосфере, которое наблюдается при освещении солнцем множества водяных капелек во время или после дождя). Многие из связанных с этими объектами приметы имеют логическое объяснение. Так, приметы *Багровые зори к ветрам*, *Красная заря во все небо – к скорому ненастью*, *Утром встанешь, дозорка красная – ведро будет* (там же) объясняются тем, что при красной заре свет солнца на восходе и закате меньше рассеивается в атмосфере (проходит по касательной

большую часть земной атмосферы) и поглощается аэрозольными частицами, делая атмосферу менее прозрачной. Примета *Заря недолгая – к ненастью* связана с тем, что более плотные слои атмосферы перед дождем делают ее менее доступной для восприятия. Примета *Тихая заря к хорошей погоде* фиксирует внимание на безветренной заре нежно-розового цвета (такой заря бывает утром при отсутствии облаков на востоке, когда встающее солнце подсвечивает облака с противоположной стороны). Это исключительно красивое время, наполненное особым покоем и таинственностью, символически соотносится с вечностью. Показательно использование мотива тихой зари в любовных частушках: *Ты играй, гармонь моя, сегодня тихая заря, тихая зориночка, послушай, ягодиночка* (здесь магическое время для влюбленного гармониста – способ передать свои чувства и желания). В названии фильма С. Ростюцкого «А зори здесь тихие» образ зари вводит тему величия и спокойствия мироздания, красоты мира, особая ценность которой осознается на фоне ужаса и бессмысленности войны. Сочетание *Тихая заря*, отмечающее момент покоя и особой красоты мира, нередко используется как название пансионатов для пожилых (костромское), турбаз, баз отдыха (Волгодонск, Красноярск, Петрозаводск и др.).

Мистический характер носит удивительное по своей красоте небесное событие, беззвучная игра молний в конце июля – начале августа. Речь идет о зарницах, которые в народной традиции отмечают конец лета: *Как зарёночки появятся, так и огурцы пора снимать* (п. Суксун Пермского края); ср. коми примета *Востымасьӧ – шондӧдас*, букв. ‘Зарницы полыхают – к теплу’ (там же). В разных культурах зарницы представляют космический акт магического воздействия небесного огня на хлебное поле. Считается, что своим светом они побуждают выпевать хлеба (на что указывают диалектные названия зарниц типа пермского *хлебозарка*). В Удмуртии (Якшур-Бодьинский район) в последнее время даже возрожден праздник зарниц «Ворекъян»: во время жатвы вечером идут любоваться зарницами (*ворекъяны*), воспринимая их как благословение богов.

Один из самых поэтичных фольклорных образов природы – радуга, появление ее на небе также воспринимается как момент воцарения в мире красоты и божественной тишины (одно из многих народных названий радуги – белорусское и украинское *краса, красуля* (Иванов, Супрун-Белевич 2018: 119)). Широко распространено верование, что радуга предвещает конец дождя и ясную погоду, откуда ее диалектные названия *ясна, ясновка*. Новгородской примете *Радуга боле зелёная – жди дождичка* (СРНГ 43: 267) соот-

ветствует примета к дождю у народа коми *Енӧшкалӧн медбура тыдалӧ зеленой визьыс, лоас зэра луныс* (букв. 'Если у радуги больше всех видна зеленая полоса, то будет дождь: чем шире эта полоса, тем дольше будет идти дождь') (ПМЦЭ). Основа ее – символическое восприятие зеленого цвета. В архаических культурах он был связан не просто с природой, а с водой и дождем (ср. пермское диалектное название считавшегося особенно благодатным дождя после Троицы *зелёный дождь*). Конечно, главными для приметы являются законы оптики: зеленая полоса находится в центре радуги и при высокой влажности воздуха воспринимается более широкой.

Обычно приметы с радугой выражают положительные предзнаменования: *Радуга перед ко-рошой погодой показывается* (с. Коса Пермского края) [ПМЦЭ]. Позитивные характеристики радуги связаны с тем, что она символизирует связь между двумя мирами – земным и небесным, человеческим и Божественным [Зверева 2015: 95]. Соотносясь с Богом (по ней спускаются и поднимаются за водой ангелы, сидит, как на престоле, Бог), радуга известна как символ изобилия, урожая и плодородия (отсюда ее белорусское название *богатка*, разнообразные приметы типа *Видеть радугу – к добру, Если долго нет радуги, будет неурожай* (ср. болгарское: долгое отсутствие радуги означает, что *дядо Господ сердится на людей*). Это явление устойчиво представляется в коми языках как имеющее мифический смысл: название *ошка-мошка* объясняют через образ небесного водяного быка (= бога), который пьет воду и поднимает ее на небо (отчего затем бывает дождь). Слово объясняют и как «бык с коровой» (*ӧш* 'бык', *мӧс* 'корова') [Панюков 2011]. Е. А. Цыпанов, считая эту версию народно-этимологической, говорит о том, что название радуги не связано непосредственно с названиями животных, и возводит первый его компонент к прапермскому обозначению водного источника *ӧs, а второй – к приписываемой явлению функции («воду пьющий») [Цыпанов 2017].

Примечательна двойственность семантики радуги: появление ее может означать и окончание дождя, и затяжное ненастье: *Радуга появляется, а ты смотри: если левая сторона появилась, то не к добру, правая – к счастью* (п. Гайны Пермского края) (ПМЦЭ). Эта двойственность ощущается также в приметах *Утренняя радуга – к дождю, вечерняя к вёдру, Низкая радуга к дождю, высокая к хорошей погоде, Радуга поперек реки к ясну, вдоль – к сильному дождю* (коми-пермяцкое *Енӧжка ю пӧлӧн – зэрны пондас, поперег – мича лоас*) (там же).

Явление, следовательно, интерпретируется в ряде случаев просто как знак изменений (откуда

ее псковское название *знамя, знаменье*). Амбивалентность радуги отражается и в ее названиях *веселка* и *змея* (вологодское (СРНГ 11: 303)), *небесная змея* (коми-зырянское). Способность ее причинять человеку вред менее выражена (ср. также запрет показывать на нее пальцем, купаться в том месте откуда она «пьёт» воду, чтобы не поменять пол – запрет, известный и русским, и коми: *А ошка-мошка воду, говорят, пьет. Туда не надо идти, может проглотить* (Юсьвинский район Пермского края) (ПМЦЭ).

Отраженная в космонимах языковая модель мира имеет преимущественно антропологическую окраску, строится на переосмыслениях личных имен, соматизмов, названий бытовых предметов, орудий труда (реже зоонимов, деталей земного рельефа). Разнообразие аналогий для народных названий космических объектов и атмосферных явлений связано с тем, что архаическим сознанием небо понималось как зеркальное отображение земли, того, что есть на земле. Видимый, но непонятный, недоступный для человека высший мир в то же время воспринимался как предсказание событий, которые произойдут в будущем. Названия атмосферных событий и небесных объектов в своем образном строе хранят древние мифологические сюжеты, указывают на участие неба в жизни и деятельности человека. Небесные объекты и явления в языковом представлении часто выступают как ориентиры и самой экзистенции человека, и его практической деятельности. Высокая лингвокультурная насыщенность лексики и фразеологии, обращенной к небесной сфере, в своей совокупности воссоздает наглядно-чувственный образ космоса, отражает народное бессознательно-художественное видение мира.

Источники

Агапкина Т. А. Радуга // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 401–402.

Белова О. В. Молния // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 280–282.

Иванов К. И., Супрун-Белевич Л. Р. Радуга в языковой картине мира славян // Контрастивные исследования языков и культур: материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 окт. 2017 г.: в 2 ч. Минск: МГЛУ, 2018. Ч. 1. С. 117–122.

ПМЦЭ – полевые материалы Центра этнолингвистики Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Т. 1–.

СРЯ – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / ред. акад. А. А. Шахматов. 6-е изд. С.-Петербург: Тип. Императорской Академии наук, 1914. Т. 4, вып. 8. 156 с.

Список литературы

Абсемиева Л. С. Функционирование названий космических объектов в крымскотатарском языке // Язык и текст. 2019. Т. 6, № 1. С. 122–125. doi 10.17759/langt.2019060120

Айбабина Е. А. Безносикова Л. М. О некоторых народных космонимах и астронимах в коми языке // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2013. Вып. 2(14). С. 96–100.

Аронов К. Г. Этнолингвистическая природа народных космонимов в казахском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Алма-ата, 1992. 22 с.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. Издание К. Солдатенкова. М., 1865. 796 с.

Верхотурова К. С. Молния в зеркале диалектной номинации // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 6. С. 87–92.

Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.

Зверева Т. В. Радуга: об одном оптическом сюжете в русской поэзии конца XVIII – первой половины XIX веков. // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 5. С. 95–102.

Михайлова И. С. Национально-культурная специфика космонимов в разносистемных языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 4. С. 93–98.

Панюков А. В. Радуга в фольклоре коми // Живая старина. 2011. № 3 (71). С. 25–27.

Петрич Н., Авилин Т. В. Народные названия Плеяд в словенской традиции // Живая старина 2023. Вып. 2. С. 2–6.

Рут М. Э. О происхождении русского названия Волосожары (Плеяды) // Ученые записки УрГУ. 1971. Вып. 18, № 114. С. 154–155.

Рут М. Э. Русская народная астронимия. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. 68 с.

Рут М. Э. Словарь астронимов. Звёздное небо по-русски. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 288 с.

Стафеева О. В. Естественнонаучное и филологическое знание как объект лингвистической категоризации. Космонимы «Солнце» и «Луна» в контексте языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 25 с.

Топорков А. Л. Почему решетом свету наношено? // Русская речь. М.: Наука, 1985. С. 121–123.

Цыпанов Е. А. Еще раз об этимологии слов к. õшмõс, удм. ошмес, а также к. õшкамошка // Пермистика-2016. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 338–344.

References

Absemieva L. S. Funktsionirovanie nazvaniy kosmicheskikh ob"ektov v krymskotatarskom yazyke [Functioning of space objects in the Crimean-Tatar language]. *Yazyk i tekst* [Language and the Text], 2019, vol. 6, issue 1, pp. 122–125. doi 10.17759/langt.2019060120. (In Russ.)

Aybabina E. A., Beznosikova L. M. O nekotorykh narodnykh kosmonimakh i astronimakh v komi yazyke [On certain folk cosmonyms and astronims in the Komi language]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN* [Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences], 2013, issue 2 (14), pp. 96–100. (In Russ.)

Aronov K. G. *Etnolingvisticheskaya priroda narodnykh kosmonimov v kazakhskom yazyke*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The ethnolinguistic nature of folk cosmonyms in the Kazakh language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Alma-Ata, 1992. 22 p. (In Russ.)

Afanas'ev A. N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic Views of Russians on Nature]. Moscow, 1865, vol. 1. 796 p. (In Russ.)

Verkhoturova K. S. Molniya v zerkale dialektnoy nominatsii [Lightning in the mirror of dialect nomination]. *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialect Vocabulary]: a collection of scientific papers. Ed. by M. E. Rut. Yekaterinburg, M. Gorky Ural State University Press, 2007, issue 6, pp. 87–92. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Mifologicheskiy aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [The Mythological Aspect of Slavic Folklore Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)

Zvereva T. V. Raduga: ob odnom opticheskom syuzhete v russkoy poezii kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX vekov [Rainbow: About one optical plot in Russian poetry of the end of XVIII – first half of XIX centuries]. *Vestnik udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2015, vol. 25, issue 5, pp. 95–102. (In Russ.)

Mikhaylova I. S. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kosmonimov v raznosistemnykh yazykakh [Natural and cultural specificity of cosmonyms in multi-system languages]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2014, issue 4, pp. 93–98. (In Russ.)

Panyukov A. V. Raduga v fol'klore komi [Rainbow in Komi folklore]. *Zhivaya starina* [The Living Old], 2011, issue 3 (71), pp. 25-27. (In Russ.)

Petrich, Neyts, Avilin T. V. Narodnye nazvaniya Pleyad v slovenskoy traditsii [Folk names of Pleiades in Slovenian tradition]. *Zhivaya starina* [The Living Old], 2023, issue 2, pp. 2-6. (In Russ.)

Rut M. E. O proiskhozhdenii russkogo nazvaniya Volosozhary (Pleyady) [On the etymology of the Russian name of Volosozhary (Pleiades)]. *Uchenye zapiski UrGU* [Scientific Notes of the Ural State University], 1971, vol. 114, issue 18, pp. 154-155. (In Russ.)

Rut M. E. *Russkaya narodnaya astronimiya* [Russian Folk Astronomy]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1987. 68 p. (In Russ.)

Rut M. E. *Slovar' astronimov. Zvezdnoe nebo porusski* [The Dictionary of Astronyms. The Starry Sky in Russian]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2010. 288 p. (In Russ.)

Stafeeva O. V. *Estestvennonauchnoe i filologicheskoe znanie kak ob"ekt lingvisticheskoy katego-*

rizatsii: Kosmonimy 'Solntse' i 'Luna' v kontekste yazyka i kul'tury. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Natural-science and philological knowledge as an object of linguistic categorization: The cosmonyms 'Sun' and 'Moon' in the context of language and culture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 25 p. (In Russ.)

Toporkov A. L. Pochemu reshetom svetu nanosheno? [Why was the light brought in a sieve?]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 121-123. (In Russ.)

Tsypanov E. A. Eshche raz ob etimologii slov k. öshmös, udm. oshmes, a takzhe k. öshkamoshka [Once again on the etymology of the words öshmös ('the well' (Komi), oshmes ('stream', Udmurt), and öshkamoshka ('rainbow', Komi)]. *Permistika-2016. Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami* [Permistika-2016. Dialects and the History of Perm Languages in Interaction with Other Languages]. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press, 2017, pp. 338-344. (In Russ.)

Cosmic and Atmospheric Images in Russian and Finno-Ugric Folk Sayings and Superstitions

This research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-20015 'The Komi-Permyaks in the linguistic and ethno-cultural space of Prikamye'

Ivan A. Podyukov

Professor in the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Language Teaching

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaja st., Perm, 614990, Russia. podjukov@yandex.ru

SPIN-code: 8516-2258

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Ekaterina N. Svalova

Senior Researcher in the Department of History, Archaeology and Ethnography

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614000, Russia. svalova87@mail.ru

SPIN-code: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Submitted 28 Oct 2024

Revised 12 Nov 2024

Accepted 14 Jan 2025

For citation

Podyukov I. A., Svalova E. N. Kosmicheskie i atmosferynye obrazy v russkikh i finno-ugorskikh narodnykh primetakh i sueveriyakh [Cosmic and Atmospheric Images in Russian and Finno-Ugric Folk Sayings and Superstitions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 44–52. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-44-52. EDN TUMVGH (In Russ.)

Abstract. Based on the facts of vocabulary and phraseology of Russian folk dialects and the Finno-Ugric languages (Udmurt, Komi-Permyak, Komi-Zyrian), the article deals with folk cosmonyms (the names of planets, stars, and constellations) and examines the names of atmospheric phenomena (thunderstorm and lightning, dawn and rainbow). The study identifies motivational attributes that underlie figurative nominations and metaphoric characteristics of celestial events and objects. On the basis of the dialect data and folklore (riddles, ditties, and folk sayings), the mythological grounds behind the figurative names of celestial events and the nature of such figurativeness are revealed. There is noted an increased significance of celestial symbolism for the emergence of folk sayings related to weather changes, labor activities, historical events, and people's destinies. Mythologisms of folk speech that are used to characterize the unknown remain in demand among the inhabitants of certain localities, they arrange the previous cultural experience of human interaction with nature and motivate the folk sayings, which continue to be the guiding points for human economic activities. Furthermore, since the images of the upper world are widely used in literary and folklore texts, the article describes their mythological and poetic potential. The study reveals a significant number of typologically similar figurative names of cosmic and atmospheric objects in languages having different structures, traces how the peculiarities of the ethnic worldview are reflected in the studied nominations. The authors draw a conclusion about a high linguocultural intensity of vocabulary and phraseology related to the celestial sphere.

Key words: cosmonym; mythologisms in a language; Russian and Finno-Ugric languages; the symbolism of folk sayings.